

Монастырский Юрий Эдуардович,

профессор кафедры «Гражданское право и процесс»
Юридического института СевГУ, основатель юридической фирмы
«Монастырский, Зюба, Степанов & партнеры», доктор юридических наук
E-mail: monastyrsky@mzs.ru

Author ID 1050419 SPIN-код 6378-9760
УДК 347.4 ББК 67.404 EDN YLTTJF

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ ПОНЯТИЯ «ПРОСРОЧКА», «ФОРС-МАЖОР» И «НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ» В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье предлагается обзор юридического смысла и соотношения понятий «непреодолимая сила», «невозможность исполнения» и «просрочка», приобретающих сегодня особую актуальность ввиду разрушения паутины глобальных экономических связей из-за реализуемого санкционного воздействия. Поскольку сейчас состояние имущественного оборота определяют совершенно новые для современной истории факторы, важнейшие гражданско-правовые понятия могут приобретать дополнительное содержание. В статье проводится сравнительно-правовой анализ понятий в условиях трансформации общественных отношений. Автор приходит к выводу о том, что отечественное законодательство не нуждается в категории (не) предвидимости в отношении форс-мажора, а также о необходимости единообразного толкования просрочки.

Ключевые слова: непреодолимая сила; просрочка; прекращение обязательства; невозможность исполнения.

I. Primum

Гражданское право обязано откликаться на изменения в привычном ходе хозяйственной жизни, повседневном имущественном обороте, вызывающие необходимость теоретического решения важных вопросов. Несомненно, сегодня мы находимся в новой реальности, когда трансформируется и роль российского гражданского права. Вопросы непреодолимой силы, невозможности исполнения обязательств стали животрепещущими — и не потому, что названные механизмы или институты гражданского права как-то должны измениться. Как представляется, наоборот, такой экономической обстановки, как сегодня, не было никогда ранее, и это дает основания извлекать из гражданско-правовых принципов новые смыслы или иное правовое видение во всех многообразных практических ситуациях.

Континентальная правовая система, к которой относится и отечественный пра-

вопорядок, характеризуется стабильностью базовых правовых понятий, развивающихся при воздействии двух двигателей: 1) материального и 2) доктринального. Первый проявляется в изменяющейся экономической среде, цифровизации деятельности, новых коммуникационных возможностях, видоизменении кооперации, возникновении запретов и ограничений, стесняющих свободу выбора и деятельности, каковой цели ныне служат санкции. Второй фактор — это наука или теоретическая мысль, постепенно утверждающая новое значение гражданско-правовых инструментов. Сегодня доктрина, где это нужно, способствует выработке измененного понимания фундаментальных правовых категорий.

II. Vis major

Непреодолимая сила вошла в наше законодательство в виде емкого и точного определения, положившего конец спорам

и обширной критике (подп. 1 п. 1 ст. 202, п. 3 ст. 401, абзац третий п. 3 ст. 1250 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ, Кодекс): «чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство». На наш взгляд, мы имеем самое удачное описание того, что должно считаться форс-мажором. В нем законодатель дал два ориентира для характеристики явления, которое освобождает от ответственности: это аномальность и неустранимость, при том что существует договорная свобода, позволяющая сторонам контракта предварительно оговорить и иные обстоятельства, снимающие ответственность с контрагентов (или снижающие ее). И вот в эту оптимальную парадигму пытаются включить совершенно несовместимую с ней характеристику, говоря, что форс-мажорное обстоятельство должно быть также непредвидимым^{1,2}. Отсюда можно сделать вывод, что если сложившуюся ситуацию можно предсказать, то ее нельзя считать форс-мажорной. Не думаем, что это правильно. Судите сами: вместо двух критериев, позволяющих избежать всего лишь ответственности, но не исполнения обязательств, выставляется три.

В знаменитом фильме Ларса фон Триера «Меланхолия» одна из планет крупнеет на небосводе и приближается к Земле постепенно и неуклонно. Волнительный и фантастический сюжет — повод для страданий и индивидуальных драм героев, поскольку различные обсерватории и космические службы высчитывают траекторию движения этого небесного тела и приходят к выводу об определенной вероятности его столкновения с Землей. Так вот, по логике протагонистов непредвидимости как критерия непреодолимой силы в гражданско-правовых отношениях, такое глобальное

влияние сказываться на ответственности не должно, поскольку сближение с Землей и риск столкновения предсказуемы, хотя и чрезвычайны, непредотвратимы и фатальны.

Военные действия и медленное перемещение линии фронта — это тоже явление исключительное и неотвратимое, но не непредвидимое. Такая логика ведет к сужению перечня оснований для освобождения от ответственности или, по крайней мере, чревата спорами и разными трактовками рассматриваемого нами концепта.

В российском правопорядке в понятие ответственности такой элемент, как «предвидимость», в качестве условия не входит. Это прямо следует из ГК РФ. А вот в европейских актах унификации права данная категория включена^{3,4,5}. В Гражданском уложении Российской империи она тоже использовалась, когда умышленное неисполнение обязательств давало право взыскать и непредвиденные убытки, и моральный вред⁶.

Однако формула ГК РФ строго конкретна и не допускает отступлений. Суду не дозволяется игнорировать нормы, разрешено лишь заполнять пробелы, выдвигать новые интерпретации текста. В *C/ISG*, являющейся частью российского специального законодательства, предпосылкой ответственности выступает предвидимость убытков; в национальном гражданском праве это понятие также присутствует, но не в области ответ-

¹ См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20 марта 2012 г. № 14316/11 по делу № А50-21608/2010 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.07.2022).

² Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406¹ Гражданского кодекса Российской Федерации (автор комментария к ст. 401 — А.Г. Карапетов) [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. С. 1328–1334.

³ Принципы международных коммерческих договоров (Principles of International Commercial Contracts, далее — PICC) (Пункт 1 ст. 7.1.7) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2022).

⁴ Модельные принципы европейского частного права (Draft Common Frame of Reference, далее — DCFR) // Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. Munich: Sellier, 2009. (п. 2 ст. III. — 3:104).

⁵ Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 г.) (United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, далее — *C/ISG*) (п. 1 ст. 79) [Электронный ресурс] URL: <https://uncitral.un.org/en/texts/salegoods> (дата обращения: 29.06.2022).

⁶ Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения. Том первый. Ст. 1–276. С объяснениями. СПб.: Гос. тип., 1899. С. 260–262.

ственности, а только при определении сущности изменения обстоятельств (абзац второй п. 1 ст. 451 ГК РФ). Вносить данную категорию в те нормы отечественного закона, где она не указана, вряд ли имеет смысл. В нашей юридической литературе о предвидимости, тем не менее, написано достаточно и довольно толково^{7,8,9,10}, но, рассуждая, мы не можем отбрасывать тексты, которые для нас, юристов, столь же фундаментальны, как священные писания для богословов. Только у нас есть конституционный механизм усовершенствования этих формул, в то время как теологи вынуждены довольствоваться толкованием того, что дано в божественном откровении.

Вышеупомянутая неуниверсальность понятия «(не) предвидимость», как мы полагаем, является несомненным достоинством российского гражданского права. Сам термин приобрел чрезвычайно широкое значение, в результате чего его смысл устанавливается субъективно с соответствующими презумпциями и, следовательно, доказательствами перед судом, и тогда в ход могут идти следующие клише: «должен был предвидеть», «не мог не предвидеть». Парадоксально, но стремление смягчить или сделать более гибким институт ответственности по российскому закону делает ее более строгой для предпринимателей. Вышеприведенные драматические примеры ярко иллюстрируют ее ужесточение. «Предвидимость» — категория, перешедшая из других правовых систем, термин, иногда нежелательный.

III. Impossibilitas

Обратимся к тому, что называется в ГК РФ «невозможностью исполнения

обязательств», которая в соответствии с действующим регулированием означает, во-первых, не освобождение от исполнения обязательства, как иногда это правовое явление интерпретируется, а его прекращение неволевым способом, как в случае смерти должника (ст. 416 ГК РФ). Известно, что остальные варианты завершения обязательства подразумевают волевое участие контрагентов или третьих лиц, направленное (зачет, новация, исполнение, отступное, совпадение должника и кредитора) и опосредованное (ликвидация и т.д.).

В европейских актах унификации гражданского права используется другое понятие — «обстоятельство вне контроля должника», и данное правовое средство освобождает последнего от его исполнения¹¹. И в этом значимое различие нашего и европейского регулирования.

Другой важной чертой российского правопорядка является отсутствие отточенных формулировок на сей счет: они просто взяты из советского времени, из иной, менее развитой системы норм. Присутствие в ГК РФ бесполезных или двусмысленных словосочетаний иногда мешает проводить предвидения правоприменения. Таковы характеристики невозможности исполнения как «вызванной виновными действиями кредитора» (п. 2 ст. 416 ГК РФ) или «случайно наступившей во время просрочки» (п. 1 ст. 405 ГК РФ). Нужно отметить, что этот случай самоликвидации обязательства не нуждается в таких определениях, поскольку он сам по себе не имеет отношения к гражданско-правовой ответственности. Она наступает из-за несения риска в коммерческом обороте, а также в силу наличия вины за причинение вреда в гражданско-правовых отношениях. Таким образом, неосторожная, умышленная (на бытовом уровне) и случайная (в предпринимательских отношениях) невозможность — частный случай такого неисполнения, который может влечь либо взыскание убытков, либо также уплату неустойки (законной или договорной) или имеет результатом обязательство из неосновательного обогащения,

⁷ См.: Будылин С.Л. Оттого что в кузнице не было гвоздя. Причинная связь и предвидимость убытков в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 1. С. 111–151.

⁸ См.: Белов В.А. Что такое предвидимость? // Закон. 2019. № 3. С. 33–46.

⁹ См.: Короткова В.А. Предвидимость договорных убытков // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 1. С. 113–151.

¹⁰ См.: Байбак В.В. Предвидимость убытков как критерий ограничения ответственности за нарушение договора // Вестник ВАС РФ. 2009. № 5. С. 54–69.

¹¹ Пункт 1 ст. 7.1.7 PICC, п. 1 ст. III. — 3:104 DCFR, п. 1 ст. 79 CISG.

а может и не предполагать имущественных последствий в отсутствие материальных претерпеваний.

Пункт 1 ст. 405 ГК РФ предусматривает ужесточение ввиду просрочки ответственности обычных граждан и некоммерческих организаций, на которых она возлагается в том числе за случайную невозможность исполнения. Эта норма имела бы смысл, если бы содержала следующее добавление: «...а лица при осуществлении предпринимательской деятельности отвечают перед кредитором и за последствия невозможности исполнения из-за непреодолимой силы». Но еще менее удачной представляется формулировка п. 1 ст. 416 Кодекса, указывающая на то, что обязательства прекращаются, только если невозможность исполнения вызвана обстоятельством, за которое ни одна из сторон не отвечает. В чем аномальность и, говоря без обиняков, деструктивность данной нормы? Прежде всего, и это главное, — в соответствии с ней «невозможность исполнения» — не объективная категория, а якобы явление, производящее ответственность, которая якобы сохраняет обязательственную природу. Да, в случае с последней так было, но до 1994 г., когда была принята часть первая ГК РФ, разграничившая эти правовые понятия¹². Теперь ст. 15, 307 ГК РФ ясно выдвигают закрытый перечень оснований возникновения обязательств, среди которых есть причинение вреда имуществу, но нет нанесения убытков, порождающего особое требование, динамичное, сложно определяемое.

В Кодексе необходимо выделить и подчеркнуть, что невозможность исполнения означает исчезновение обязательства, но не затрагивает вопрос ответственности, свидетельствуя лишь об отпадении материальной предпосылки исполнения в натуре. Например, когда утрачен уникальный предмет (вещь) или исполнитель, чье имущественное предоставление неразрывно связано с его личностью, оказался неспособ-

бен произвести необходимые действия, обязательство, предполагающее исполнение в натуре, прекращается. Или, скажем, гражданин должен выплатить аванс за покупку дров, но его банк становится неплатежеспособным. В парадигме действующего регулирования это случайное обстоятельство ведет к прекращению денежного обязательства, раз указанный индивидуум не проявил вину. Аномальность данного правила заключается в том, что препятствие исполнению может не аннулировать обязательство, поэтому возникает вопрос о юридическом режиме данного имущества как объекта гражданских прав. Например, сохраняется право требования передать индивидуальную ценную вещь, которая погибла, украдена или утрачена, если за указанную случайность кто-то отвечает. Тогда ст. 405 ГК РФ в совокупности со ст. 401 ГК РФ есть частный случай неисполнения, влекущего виновную или безвиновную ответственность. Альтернативно в п. 1 ст. 405 ГК РФ после «убытков» можно включить: «в соответствии со ст. 401 ГК РФ».

Конечно, нормы ст. 405 и 416 ГК РФ неудачные, и мы бы предложили убрать упоминание о невозможности исполнения из первой из них, а п. 1 ст. 416 представить в следующей редакции: «*Обязательство прекращается ввиду невозможности его исполнения, распространяющейся на будущее неопределенное время, независимо от того, отвечает за ее наступление должник или кредитор. В отсутствие наступления ответственности или неосновательного обогащения при отпадении невозможности исполнения обязательство восстанавливается*».

Невозможность исполнения обязательства в виде, например, гибели арендованной, хранимой, передаваемой, изготавливаемой вещи легко устанавливается, не подлежит сомнению и очевидна для участников взаимоотношений. Но указанное явление может иметь и латентный характер, как то: утрата творческих способностей, поломка или выход из строя орудий производства, которые невозможно заменить или исправить. При этом неисполненное обязательство продолжает существовать, и установление невозможности его реализации зависит

¹² См.: *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВЮЮН. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. Вып. 3. С. 44–45. В ГК РФ обязательства и ответственность за их неисполнение регулируются разными главами (гл. 21 и 25 соответственно).

от некоторых конституирующих действий, без чего полагать исчезновение ранее возникшей правовой связи, просто исходя из заявления, уведомления, оповещения должника и его свидетелей, нельзя.

Само собой разумеется, определяющим и неоспоримым нужно считать акт суда, устанавливающий самоликвидацию обязательства. Другим важным действием, указывающим на невозможность исполнения, должно выступать требование кредитора об убытках, штрафах, иной ответственности должника либо о неосновательном обогащении, которое свидетельствует о признании им неисполнимости соответствующего обязательства. Во всех иных случаях последнее презюмируется сохраняющимся. Именно такой подход соответствует концепциям устойчивости имущественного оборота, договорных отношений, принятых или возникших обязательств.

Такое регулирование и понимание невозможности исполнения может выражать предлагаемая нами редакция п. 2 ст. 416 ГК РФ: «*Возникшая невозможность исполнения обязательства не может предполагаться — она подлежит доказыванию должником и считается установленной судебным актом либо требованием кредитора, основанным на признании им такой невозможности*».

IV. Mora

Затронем подробнее вопрос просрочки в исполнении обязательств в условиях внешних многоуровневых и объемных экономических санкций. Необходимо подчеркнуть, что отличительной чертой континентальной правовой системы является стабильность ключевых гражданско-правовых институтов, и в этом состоит ее преимущество. Так, основные правовые понятия допускают новую интерпретацию при изменении экономических условий, трансформируясь в своем содержании под действием законодательных поправок, но не выходя за пределы широкого смысла письменных формул. При этом ключевая роль в выработке новых трактовок устоявшихся правовых категорий принадлежит высшей судебной инстанции.

К сожалению, и упраздненный ВАС РФ, и в некотором смысле ВС РФ идут дальше

и, охваченные жадной усовершенствования, меняют семантику самого текста. В большинстве нечастых, курьезных случаев это ведет к ухудшению регулирования и может игнорироваться правоприменителем, в первую очередь третейскими судами в РФ. Но если в зарубежном законодательстве к выбранному сторонами арбитражу, как применимая, есть норма, аналогичная ст. 1191 ГК РФ, то все эти неудачные высказывания обязательны, так как иностранное право должно толковаться согласно соответствующей судебной практике.

Высшая судебная инстанция уже высказалась по поводу исключения договором возмещения убытков, кроме неумышленного неисполнения¹³, обязанности причинной связи по модели адекватного причинения¹⁴, а также возможности сразу потребовать убытки, исключив возмещение вреда в натуре¹⁵. Но в Кодексе этого нет, а текстовая незыблемость норм обязательна и необходима.

Просрочка — несравнимо более частое явление, чем обстоятельства невозможности и непреодолимой силы. В условиях санкций, как мы полагаем, обострилась проблема регулирования последствий просрочек по трем неудачно совпавшим причинам. Первая — переход из ГК РСФСР 1964 г. в нынешний Кодекс формулы, которая определяет возможное правовое реагирование на просрочку, идя вразрез с такими фундаментальными для континентальной правовой системы принципами, как *pacta sunt servanda* и стойкость обязательств. Речь идет о возможности прекратить обязательство, если задержка имеет место, в одностороннем порядке, без всяких условий, а лишь ввиду утраты интереса (п. 1 ст. 405 ГК РФ). В ГК РСФСР 1922 г. просрочка наступала только при влекущем ответственность поведении должника (ст. 121 ГК РФ). По обще-

¹³ Постановление Пленума ВС РФ от 24 марта 2016 г. № 7 (в ред. постановлений Пленума ВС РФ от 7 февраля 2017 г. № 6, от 22 июня 2021 г. № 18) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (пункт 7) (далее — Постановление № 7) // Российская газета. № 70. 2016.

¹⁴ Пункт 5 Постановления № 7.

¹⁵ Пункт 24 Постановления № 7.

му правилу, просрочка давала возможность взыскать убытки, но не разрушала договор и не прекращала обязательство, давая основания для корректировки отношений, и только в случае невозможности исполнения, порождающей ответственность должника в двустороннем договоре, допускался выход из него и истребование сумм понесенных убытков (ст. 145 ГК РФ), в общем случае предусматривалась реституция (ст. 144 ГК РФ). В ГК РФ есть уже право на отказ от принятия исполнения, что означает прекращение обязательства (п. 3 ст. 396 ГК РФ). И главное — теперь просрочка есть любое неисполнение в срок, независимо от его причин. Отсюда она дает внесудебную возможность разрушить любой договор.

Вторая причина — возобладание неудачной доктринальной трактовки ст. 396 ГК РФ. В частности, в известном комментарии к Кодексу утверждается: «...просрочка... это один из видов нарушения обязательств...»¹⁶, — в то время как об этом нет ни слова в Кодексе, в отличие от ГК РСФСР 1922 г. Далее указывается, что интерес считается утраченным, если договор нарушался существенно¹⁷. Вряд ли такая интерпретация допустима, ведь, пошатнув столпы — отбросив фундаментальные правовые категории, — можно разрушить все отстроенное здание кодифицированного права. Интерес, по ГК РФ, — это внутренний психический мотив к сохранению или приобретению гражданско-правовых благ, но не имущество.

Третья причина — изменение оборота, его усложнение и интенсификация, информационное цифровое воздействие, коммуникативное онлайн- и оффлайн-присутствие, в то время как рождение рассматриваемой нормы пришлось на доцифровую эпоху, когда отсутствующие контрагенты обменивались письмами, действовали порознь и регулярно между собой не контактировали.

В современном имущественном обороте просрочка — это вполне рядовое явление, и далеко не каждое исполнение происходит в срок. Это лучше других знают те правоведа, которые рассматривают коммерческие споры в третейских судах. Стороны не действуют по букве договора, который определял их взаимоотношения на начальном этапе как некий организующий каркас, а руководствуются уже стихийно возникшей практикой сложившейся деятельности. В последней они все более отдаляются от регламентации контрактом, не предъявляя по этому поводу никаких претензий и не приводя письменный текст документа в соответствие с особенностями сложившегося порядка отношений. Здесь, строго говоря, просрочка в привязке к планируемому исполнению существует постоянно и в многообразном выражении.

Каждая юрисдикция обладает присущими только ей особенностями. Две из них упомянем относительно отечественного правопорядка. Первая — это уникальная система разрешения споров. В Российской Федерации в прошлом году рассмотрено свыше 1 600 000 экономических споров и более 17 000 000 иных гражданско-правовых дел^{18,19}. Суды, разрешая такое гигантское количество споров, должны действовать по понятным и простым формулам, и им приходится трудно, если таковые сильно устарели и утратили смысл, не будучи при этом исключенными из Кодекса.

Вторая особенность нашей правовой системы заключается в том, что язык, который описывает базовые гражданско-правовые институты, сообщает им в ходе развития экономического оборота и новые коннотации. Именно в силу уникальности русского языка семантический охват базовых гражданско-правовых категорий, среди которых и понятие просрочки, в Российской Федера-

¹⁶ Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406¹ Гражданского кодекса Российской Федерации (автор комментария к ст. 405 — А.Г. Карапетов) [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. С. 1457.

¹⁷ Там же. С. 1470–1471.

¹⁸ Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/32GkNw> (дата обращения: 28.06.2022).

¹⁹ Отчет о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции [Электронный ресурс] URL: <https://clck.ru/32GkTP> (дата обращения: 28.06.2022).

ции может не совпадать с другими юрисдикциями.

Традиции гражданского права континентальной модели — это господство писаного текста законов и кодексов, приоритет исполнения обязательства в натуре. *Pacta sunt servanda*, как утверждает, основная причина зарождения цивилизации, когда имущество самоограничилось и исполнение обещаний контролировалось уже государством, которое заставляло этому принципу универсально следовать^{20,21}. Так, по Гоббсу, одним из естественных законов выступает то, что «люди должны выполнять заключенные ими соглашения, без чего соглашения не имеют никакого значения и являются лишь пустыми звуками... В этом естественном законе заключаются источники и начало справедливости»²².

Pacta sunt servanda — римский принцип, и мы знаем, как росла Римская империя и каковы были ее администрирование и организация. Современная норма о возможности при просрочке выйти из договора без всяких условий противоречит этому фундаментальному началу, особенно сегодня. При реализации сложных договорных моделей в системе многочисленных норм практически неизбежно возникает несоответствие между указанным положением и базовыми правовыми понятиями, которых за прошедшие века стало намного больше. В результате рассматриваемое правило о просрочке как о причине прекращения контракта выглядит еще более аномально, как пробоина в корпусе корабля обязательственного права.

Перед нами пример того, как правило, появившееся в 1922 г. в ГК РСФСР, растеряв часть своего содержания, стало неактуальным и несоотносимым в целом с регулированием. Для того чтобы исправить положение, достаточно обратиться к мудрости наших

предков. В ст. 1671 Проекта Гражданского уложения Российской империи сказано: «Просрочка со стороны должника дает верителю [то есть кредитору] право отступить от договора и в том случае, если исполнение должником обязательства по наступлении срока не имеет уже более никакого значения для верителя за невозможностью достижения той цели, ради которой договор был заключен»^{23,24}. Как мы знаем, в современном ГК РФ недостижимость цели выражается концепцией существенности нарушения договора. Поэтому мы предлагаем новую формулу или, вернее, новую редакцию п. 2 ст. 405 Кодекса: «Если иное не предусмотрено законом либо договором, просрочка должника наступает при уведомлении просрочившего кредитором. Кредитор вправе назначить новый срок исполнения и далее отказаться от его принятия ввиду несоблюдения повторно установленного срока и существенного нарушения договора с наступлением последствий, предусмотренных для этого случая в настоящем Кодексе».

V. Epilogus

Подведем итоги. В отношении форс-мажора и невозможности исполнения отечественное законодательство не нуждается в категории (не) предвидимости, отличается от европейских модельных кодификаций. Просрочка должна трактоваться как единоеобразное понятие, не становясь сама по себе основанием для прекращения договора. Рассматриваемые в статье категории играют важную роль в регулировании отношений как между предпринимателями, так и обычными лицами в условиях воздействия санкций на российскую экономику.

²⁰ См.: Полдников Д.Ю. *Pacta sunt servanda*: проблема преемственности в европейском частном праве // Государство и право. 2011. № 3. С. 67–75.

²¹ См.: Батырев Г.Т. *Pacta sunt servanda*: эволюция и неоднозначность внутреннего содержания // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 1. С. 86–94.

²² Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 99. (курсив в оригинале).

²³ Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения: с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии и с приложением законопроекта об авторском праве, одобренного Государственной Думой. Том второй / Под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Сатчиан. СПб.: Изд. кн. маг. «Законоведение», 1910. С. 260–261.

²⁴ Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения. Том первый. Ст. 1–276. С объяснениями. С. 286–287 (ст. 132).

Библиографический список

1. *Агарков М.М.* Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВИЮН. — М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. Вып. 3. 192 с.
2. *Байбак В.В.* Предвидимость убытков как критерий ограничения ответственности за нарушение договора // Вестник ВАС РФ. 2009. № 5. С. 54–69.
3. *Батырев Г.Т.* Pacta sunt servanda: эволюция и неоднозначность внутреннего содержания // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 1. С. 86–94.
4. *Белов В.А.* Что такое предвидимость? // Закон. 2019. № 3. С. 33–46.
5. *Будылин С.Л.* Оттого что в кузнице не было гвоздя. Причинная связь и предвидимость убытков в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия РФ. 2020. № 1. С. 111–151.
6. *Гоббс Т.* Левиафан. — М.: Мысль, 2001. — 478 с.
7. Гражданское уложение. Книга пятая. Обязательства. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского уложения. Том первый. Ст. 1–276. С объяснениями. — СПб.: Гос. тип., 1899. — 574 с.
8. Гражданское уложение: Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения: с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной Комиссии и с приложением законопроекта об авторском праве, одобренного Государственною Думою. Том второй / Под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А.Л. Саатчиан. — СПб.: Изд. кн. маг. «Законоведение», 1910. — 1228 с.
9. *Короткова В.А.* Предвидимость договорных убытков // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 1. С. 113–151.
10. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406¹ Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Каралетов. — М.: М-Логос, 2022. — 1582 с.
11. *Полдников Д.Ю.* Pacta sunt servanda: проблема преемственности в европейском частном праве // Государство и право. 2011. № 3. С. 67–75.

MONASTYRSKY Yuri Eduardovich,

Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Law Institute of Sevastopol State University, Founder of Law Firm «Monastyrsky, Zyuba, Stepanov and Partners», Doctor of Laws, E-mail: monastyrsky@mzs.ru

«DELINQUENCY», «FORCE-MAJOR», «IMPOSSIBILITY OF PERFORMANCE» AS CIVIL LAW CATEGORIES IN NEW ECONOMIC CONDITIONS

Abstract. The author presents an overview of legal sense and correlation of such notions as «force major», «impossibility of performance» and «delinquency» having become as vital as have been never before due to global damage to the web of economic ties by sanction effect. As property turnover is the subject to the new prior unknown factors important juridical categories may acquire new content. The article provides a comparative legal analysis of concepts in the conditions of transformation of social relations. The author comes to the conclusion that domestic legislation does not need the category of (not)foresight in relation to force majeure, as well as the need for a uniform interpretation of delay.

Keywords: force major; delay; obligation; termination of obligation; impossibility of performance.

Ссылка для цитирования статьи:

Монастырский Ю.Э. Гражданско-правовые понятия «просрочка», «форс-мажор» и «невозможность исполнения» в новых экономических условиях // Цивилист. 2022. № 4. С. 54–61. Статья поступила в редакцию 26.08.2022, принята к публикации 07.10.2022.